

Оглоблин Николай Николаевич

**К характеристике русского
общества в 1812 году**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Николаевич О.**
К характеристике русского общества в 1812 году / Оглоблин Николай Николаевич – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 86 с.

ISBN 978-5-521-26042-3

ISBN 978-5-521-26042-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и устныхъ (отъ очевидцевъ той эпохи) первоисточниковъ исторіи того времени. Но послѣднее обстоятельство не вѣдомо и многіе относятся къ нарисованной гр. Толстымъ картинѣ какъ къ продукту его творчества, не обоснованному на историческихъ данныхъ. Кромѣ того, здѣсь сильно сказалось вліяніе традицій, унаслѣдованныхъ отъ вышеупомянутыхъ „историковъ“, имѣющихъ до сихъ поръ поклонниковъ среди современныхъ историковъ извѣстнаго помѣла, изучающихъ исторію больше по „усердію“, чѣмъ по разуму...

Прекрасную отвѣдь этимъ наивнымъ фантазіямъ и фактическую основу правдивымъ взглядамъ гр. Толстого на русское общество въ 1812 г. даютъ матеріалы, заключающіеся въ недавно изданномъ сборникѣ г. П. И. Щукина: „Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 г.“¹⁾. Это изданіе (не предназначенное въ продажу и отпечатанное въ количествѣ 200 экземпляровъ) представляетъ сборникъ частныхъ и официальныхъ документовъ, очень цѣнныхъ для характеристики именно внутренней жизни Россіи въ эпоху нашествія Наполеона и слѣдующихъ ближайшихъ годовъ. Здѣсь нѣтъ „реляцій“, „диспозицій“ и т. п. военного матеріала, за то здѣсь не мало документовъ изъ фамиліальныхъ архивовъ, рисующихъ частную жизнь представителей разныхъ слоевъ общества, ихъ заботы, интересы, дѣла. Официальные документы сборника, частію извлеченные изъ историческихъ архивовъ, частію принадлежащіе къ собранію рукописей г. Щукина, также содержатъ матеріалы главнымъ образомъ для внутренней исторіи Россіи и только отчасти для исторіи самой войны.

Постараюсь извлечь изъ сырыхъ матеріаловъ сборника всѣ данныя, годныя для поставленной задачи—для характеристики русскаго общества въ эпоху Наполеоновскаго нашествія. Многое здѣсь является совершенною новостью; остальное пред-

¹⁾ Москва, 1897—1899 г.; I ч.—стр. 162, II ч.—стр. 219, III ч.—стр. 263, IV ч.—стр. 357.

ставяетъ существенныя дополненія и разъясненія къ тому, что уже извѣстно по другимъ историческимъ источникамъ.

Напередъ считаю долгомъ оговориться, что какъ матеріалы г. Щукина, такъ и мои выводы изъ нихъ не пытаются дать полную характеристику русскаго общества въ 1812 г.: они освѣщаютъ только *нѣкоторыя* стороны жизни общества, служатъ именно *къ характеристикѣ* его... Полная же картина тогдашней русскоѣ жизни—дѣлю будущаго.

I.

Приступая къ выполненію своей задачи и желая избѣжать всякихъ упрековъ въ односторонности и предвзятости моихъ поисковъ, я ревностно искалъ на пространствѣ тысячи страницъ сборника г. Щукина малѣйшихъ признаковъ высокаго подъема духа въ русскомъ обществѣ 1812 г. Къ сожалѣнію, мои поиски привели къ очень плачевнымъ результатамъ... Правда, „патріотическихъ фразъ“ встрѣчалась масса: Наполеона и французъ, съ ихъ союзниками, русскіе не иначе величали, какъ „злѣбнымъ врагомъ“, „варварами“, „всесвѣтными злодѣями“, „пестовымъ врагомъ“, „басурманами“, „зловреднымъ непріателемъ“ и т. п. Любопытно, что такія ругательства встрѣчаются даже въ официальныхъ бумагахъ, напр., въ предписаніи Московскаго оберъ-полиціймейстера Иванкина одному изъ полиціймейстеровъ французы названы „злодѣями“ (II, 208); въ донесеніи того же Иванкина гр. Р. В. Растропину французы величаются „извергами“ (II, 10) и т. п. Но отъ всѣхъ этихъ фразъ вѣетъ такимъ дурнымъ патріотизмомъ, что останавливаться надъ ними не стоитъ и причислить ихъ къ доблестямъ русскихъ гражданъ немислимо. Перейдемъ лучше къ фактамъ, гдѣ можно было бы отыскать хотя маленькую струйку дѣйствительной любви къ родинѣ, или иное какое проявленіе гражданскихъ доблестей.

Такихъ симпатичныхъ фактовъ во всемъ сборникѣ г. Щупина я не могъ найти и одного десятка.

О подвигахъ „воинской доблести“ говорить не буду: эта тема достаточно исчерпана въ литературѣ, а разсматриваемый сборникъ почти ничего новаго не прибавляетъ сюда. Но для полноты отмѣчу и эти факты, напр., — о дѣйствіяхъ партизановъ Фигнера (ошибочно названнаго Вагнеромъ), Дорохова и др. (I, 62, 63), о французской военно-судной комиссіи надъ Московскими поджигателями (I, 129—140), о подвигахъ русскихъ солдатъ (III, 42—44) и т. п.¹⁾

Перехожу къ фактамъ высшаго порядка. Начиная съ отзыва молодого русскаго офицера, заявившаго протестъ противъ Бородинской бойни. Юрій Пякитичъ Бартеневъ, самъ участникъ этого боя, ничего „славнаго“ не нашелъ въ этомъ „совершенномъ адѣ“ и „ужаснѣйшемъ позорищѣ“... Правда, свой протестъ онъ высказалъ всего только въ письмѣ къ матери, но онъ зналъ, что его подробное письмо, содержащее отчетъ о всемъ ходѣ войны, прочтется не однимъ десяткомъ родныхъ и знакомыхъ, съ которыми онъ безъ малаго годъ не видѣлся. Письмо написано имъ въ мартѣ 1813 г., т. е., въ самомъ апогеѣ русской военной славы, когда наши войска побѣдоносно двигались уже за границу. И черезъ полгода послѣ Бородинскаго сраженія Бартеневъ не можетъ безъ ужаса вспомнить объ этой бойнѣ, гдѣ его воинской части (понтонной ротѣ) выпала почетная роль ухода за ранеными. Такимъ образомъ, ему пришлось тутъ воочию познакомиться съ изнанкою и ближайшими результатами „военнаго искусства“... Приведу его характерныя слова:

¹⁾ См. еще т. III, 7, 8, 40, 41. На послѣднихъ страницахъ помѣщенъ „списокъ русскихъ военныхъ, отличившихся въ 1812 г.“, но къ списку нужно относить поосторожно, такъ какъ къ числу „героевъ“ онъ причисляетъ, напр., Московскаго полиціймейстера Гельмана, который-де „отыскалъ измѣнниковъ“, или камергера Мордвинова, кѣмъ „оторвало ногу“ и т. п.

„...Этотъ день останется наужаснѣйшимъ днемъ въ моей жизни. Я не могу хвастать, чтобъ была большая опасность въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы находились... Но я бы лучше согласился быть въ пылу самаго жестокаго сраженія... А здѣсь же былъ совершенный адъ: кучи тѣлъ, вопли умирающихъ сопутствуютъ тебѣ повсюду; много увидишь безъ головы, другого безъ рукъ и безъ ногъ; я видѣлъ тамъ и такого, который, бывъ легко раненъ, не могъ говорить, потому что ротъ его былъ наполненъ мозгомъ убитого возлѣ него солдата. — Всѣ почти шевелятъ губами, и какъ бы вы думали, объ чемъ они просятъ, чего имъ хочется? Они просятъ *добить* ихъ до смерти, дабы не чувствовать такого жестокаго мученія, какое они ощущаютъ. — Какія сцены, любезная матушка!... сердце мое не было изъято отъ ужаса. Не боязнь дѣлала мнѣ сіе мѣсто столь страннымъ...но картина, представляющая мнѣ всѣ образы смерти и мученія человѣчества, потрясала мою внутренность и заставляла отворачивать очи мои отъ столь ужаснѣйшаго позорища“ (I, 83, 84). Ниже, разсказывая о сопровожденіи раненыхъ въ Москву, Бартеневъ замѣчаетъ: „всякую ночь помирало у насъ великое множество сихъ несчастливцевъ, и солдаты наши сносили въ сей дорогѣ съ мертвыми трупами, потому что, пробудясь отъ сна, находили уже сихъ бѣдняковъ окостенѣлыми“¹⁾).

Сюда же примыкаетъ позднѣйшій отзывъ лица, посѣтившаго Бородинское поле въ 1824 г., когда оно еще „во множествѣ“ было покрыто костями: „какой ужасный памятникъ для завоевателей, если бы подножіе ихъ монумента составить изъ труновъ людей, отъ нихъ погибших!—какъ *высоко* бы стоялъ Наполеонъ!...“ (III, 9).

¹⁾ Здѣсь, какъ и въ другихъ выпискахъ, я исправляю нѣкоторую безграмотность документовъ, какъ для удобства чтенія, такъ и потому, что не вижу смысла въ стремленіи г. Щукина сохранить въ подлинной неприкосновенности всю безграмотность документовъ нашего времени, словно это памятники XV—XVI вѣковъ...

Нельзя сомнѣваться, что Ю. Н. Бартеневъ не былъ одинокъ съ своими взглядами на войну и съ своимъ стремленіемъ бросить военное поприще, о чемъ онъ говоритъ въ томъ же письмѣ: „поприще мое отнынѣ должно кончиться, и я буду искать спокойнѣйшей службы, нежели доселѣ въ какой находился“ (с. 83). Такое отрешеніе могло произойти во многихъ военныхъ, пережившихъ все ужасы отечественной войны...

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить факты любви къ родинѣ и готовности ради нея на жертвы: студентъ 3 курса Московской медико-хирургической академіи Василій Петровичъ Острогорскій, отпущенный въ августъ 1812 г. домой (какъ и все студенты 1—3 курсовъ), отказался отъ назначеннаго ему пособія (по 50 руб.) и остался добровольно при Головинскомъ госпиталѣ, затѣмъ присоединился къ отступавшей русской арміи и до февраля 1813 г. работалъ въ разныхъ госпиталѣхъ, помогая врачамъ въ уходѣ за ранеными (III, 198—200).

Въ началѣ августа 1812 г. Московскіе купеческіе сыновья Платонъ Павловъ и Герасимъ Семеновъ „объявили желаніе печь изъ собственной своей муки хлѣба и сунуть изъ оныхъ сухари на продовольствіе войскъ“. Московскій комендантъ Гессе, сообщая объ этомъ фактѣ гр. Растопчину, прибавляетъ, что „и прочіе куницы въ томъ намѣрены соревновать“ Павлову и Семенову, „если только онымъ отъ частей (полицейскихъ) учинена будетъ повѣстка“. Гр. Растопчинъ милостиво велѣлъ объявить жертвователямъ, „что я усердное ихъ пожертвованіе приѣмлю съ удовольствіемъ“, и разрѣшилъ „сдѣлать повѣстку, что всякаго званія людямъ *позволяется* (sic) готовить сухари изъ собственнаго ихъ хлѣба на продовольствіе войскъ“... (I, 113). Неизвѣстно, къ какимъ результатамъ привело это милостивое разрѣшеніе начальства принести жертвы на „алтарь отечества“...

Ниже мы увидимъ, что въ 1812 г. русскіе не отставали отъ французовъ въ грабежъ Русской земли. Сплошное грабительство шло и въ Москвѣ, и въ окрестностяхъ ея, грабили военные, духовные, крестьяне, мѣщане, чиновники, дворяне, купцы и пр. и пр. Особенно поживились дворовые люди, на попеченіе которыхъ было оставлено въ Москвѣ большое богатство частныхъ лицъ. Въ это-то время поголовнаго и самаго безцеремоннаго грабительства являются трое маленькихъ людей, сумѣвшихъ вполнѣ сохранить отъ своихъ и чужихъ грабителей вѣренное имъ имущество и не польстившихся на присвоеніе чужого добра, что было такъ легко сдѣлать и дѣлалось сплошь и рядомъ въ то смутное время...

Передъ занятіемъ Москвы французами служитель генеральши Бибиковой взялъ изъ ея Московскаго дома разное имущество—платье, мѣха и проч., и отдалъ на сохраненіе крестьянину дер. Слободы Алексѣю Козмину. Тогда же крестьянинъ дер. Чижовой Трофимъ Давыдовъ взялъ изъ дома Бибиковой медвѣжью پوستъ съ саней. Въ декабрѣ Козминъ и Давыдовъ передали служителью Бибиковой все сохраненное ими имущество вплоть до такихъ мелочей, какъ оловянные пуговицы, 6 аршинъ ленты, 1 простыня и т. п. (I, 39).

Въ половинѣ октябрю 1812 г., когда появился въ Москвѣ первый русскіи власти, къ командиру Московской драгунской команды майору Гельману пришла мѣщанка Анна Яковлева и передала серебряныя и другіи вещи, заемное письмо въ 500 р. и ассигнацій на 500 р. Все это передалъ ей на сохраненіе полковникъ Вельяминовъ, не успѣвшій бѣжать изъ Москвы до занятія ея французами и пѣтый имъ въ плѣнъ. Гельманъ представилъ все оберъ-полиціе-мейстеру Иванкину (I, 101).

Съ какими опасностями приходилось москвичамъ бѣжать изъ Москвы и какъ они нерѣдко спасались только благодаря сердечной помощи добрыхъ людей—свидѣтельствуешь рассказъ

одного изъ такихъ спасенныхъ. Отставной генералъ-майоръ В. В. Пероповъ, „осьмидесятилѣтній воинъ“, страдавшій отъ ранъ и „недвижимый“, не могъ уѣхать и остался въ своемъ Московскомъ домѣ. Привожу далѣе его слова: „по разграбленіи же и сожженіи всесвѣтными злодѣями моего дома, я валялся въ полѣ, потомъ на полу въ церкви Троицы, что въ Випи-никахъ, изнемогая отъ побой, отъ стужи, безъ всякой одежды и изтаская отъ глада. Наконецъ, по 30-тидневномъ страданіи моемъ, въ одну мрачную ночь, мои усердные служители увлекли меня въ тележку *на себя* за 40 верстъ отъ мѣста мученія“... (II, 128). 30 дней ухаживать за недвижимымъ старцемъ среди самыхъ невозможныхъ условій жизни и при полной возможности бросить его и бѣжать на волю, а затѣмъ 40 верстъ провезти его „на себя“ — это немалый подвигъ для „рабыхъ сердецъ“ крѣпостныхъ людей Перопова (именъ своихъ спасителей онъ не приводитъ), особенно если его сопоставить съ далѣйшимъ разсказомъ Перопова о „добрыхъ поселянахъ“, которые далѣе повезли на лошадяхъ „меня, прежде облакаивагося въ воинственные брони“, а теперь „покрытаго ключьями рубахи и ветхою женскою эпанчею“. Въ 40 верстахъ отъ Москвы, т. е. въ краю еще не разоренномъ, „добрые поселяне“ не могли найти теплой одежды (дѣло происходило въ октябрѣ) для больного старика, котораго они повезли въ Козловскій уѣздъ, въ имѣніе его брата „съ уговоромъ распутиться за провозъ на мѣстѣ“...

Отмѣчу еще одинъ фактъ. Правда, дѣйствующіи здѣшніе лица носятъ иностранныя фамиліи, но разъ одно изъ нихъ называется „Московскимъ купцомъ“, а другое считаетъ Россію своимъ „отечествомъ“, мы имѣемъ право обоихъ причислить къ русскому обществу. Иже мы увидимъ, что и до нашего пріѣзда и послѣ него, какъ Московская администрація, такъ и русское общество вообще крайне подозрительно относились къ иностранцамъ, вездѣ подѣляя иніоцовъ, пзгѣшниковъ,

ловлю ихъ и преслѣдовало по самымъ пустымъ и неосновательнымъ подозрѣніямъ. Много грѣха взяло на себя русское общество въ этой болѣзненной своей маніи, и многіе совершенно невинные и честные люди пострадали отъ нея очень чувствительно... Вступиться въ это время за иностранца, въ чьемъ-то уже заподозрѣннаго,—значило навлечь на себя такое же подозрѣніе и подвергнуться всѣмъ опасностямъ этого положенія. И вотъ, однако, въ ноябрѣ 1812 г. является предъ гр. Растопчинимъ, съ возмутительнымъ усердіемъ занимавшимся травлею иностранцевъ, энергичная просительница за одного изъ арестованныхъ имъ иностранцевъ и не проситъ, а скорѣе требуетъ во имя справедливости немедленнаго освобожденія его изъ-подъ караула... Анна Штейдель (кто такая—неизвѣстно) открыто возмущается и смѣло негодуетъ предъ всемогущимъ Растопчинимъ по поводу ареста Московскаго купца Ивана Юрина, который „ни къ какому гнусному поступку не способенъ“. И дѣйствительно, то, что она рассказываетъ о добрыхъ дѣлахъ Юрина въ захваченной французами Москвѣ, вполнѣ оправдываетъ ее негодованіе.

Оказывается, что съ появленіемъ французовъ семья Штейдель и „многія другія семейства“, съ ихъ имуществомъ, напавъ „убѣжище“ въ уцѣлѣвшемъ отъ пожара домѣ Юрина. Она говоритъ: „принимая насъ подъ свою защиту и довольствуя пищею, сколько могъ, сей благодѣтельный человѣкъ, одержимый въ то время сильною болѣзнію, былъ ограбленъ въ виду нашего и нѣсколько разъ за человѣколюбивые свои поступки находился въ опасности лишиться жизни...“ Позже Штейдель съ семьей удалось, конечно, благодаря Юрину, выбраться изъ Москвы, но все имущество она оставила въ домѣ своего „благодѣтеля“, вѣрнее „въ несумнительной надеждѣ получить обратно все составленное мною у него имѣніе, ибо сей человѣкъ во все время своей жизни обязывалъ только людей къ благодарности и никогда никого не обижалъ. Пыль же узнала, что

домъ моего благодѣтеля опечатанъ и самъ онъ содержится подъ карауломъ. Пораженная симъ извѣстіемъ“, Штейдель молить гр. Расторгина: „возвратите г. Юрша въ домъ его, гдѣ нѣсколько семействъ ожидаютъ его для засвидѣтельствованія ему благодарности за сохраненіе ихъ имѣній и пособіе, въ нуждахъ имъ оказанное...“ (II, 54, 55).

Имѣла ли успѣхъ горячая просьба Штейдель—изъ документовъ не видно. Не извѣстно также, за что именно былъ арестованъ Юршъ. Возможно, что поводомъ къ аресту было найденное въ его домѣ имущество разныхъ лицъ: на это намекаетъ тотъ фактъ, что домъ Юрша былъ „опечатанъ“, по словамъ Штейдель. Полиція, очевидно, не повѣрила увѣреніямъ Юрша, что это имущество отдано ему собственниками на храненіе, и заподозрила тутъ присвоеніе.

Вотъ почти всё (съ нѣкоторыми еще встрѣтимся ниже) найденные мною въ сборникѣ г. Щукшина факты, какіе можно занести въ активъ русскаго общества въ 1812 году... Перехожу къ явленіямъ иного порядка—къ обычнымъ явленіямъ текущей жизни разныхъ слоевъ общества, къ жизни той массы, которая состояла не изъ „героевъ“, а изъ простыхъ людей, творившихъ простыя человѣческія дѣла и не помышлявшихъ объ исключительности переживаемыхъ родиною событій...

II.

Начинаю съ главнаго перва тогдашней русскоѣ жизни—съ дѣйствующей противъ врага арміи.

Очень жаль, что въ руки г. Щукшина попало слишкомъ мало частныхъ писемъ изъ дѣйствующей арміи: это самый живой и содержательный матеріалъ, по которому не трудно было бы судить о господствовавшемъ въ арміи настроеніи и взглядахъ ея на свою роль и задачу. Къ сожалѣнію, въ сборникѣ находимъ всего два частныхъ письма съ театра войны—Сер-

гѣя Мизина (I, 60—64) и вышеупомянутого Юрія Бартечева (ib., 77—89).

При всей вылощенности и корректности тона, за которыми ничего не видно, Мизинъ однажды прорвался и раскрылъ очень характерную черточку своей личности... Съ какимъ-то смакованьемъ и едва скрывааемымъ восторгомъ Мизинъ похвастуется о подломъ вѣроломствѣ „добрыхъ поселенгъ“ дер. Каменки, какъ они, напоивши и накормивши французскій отрядъ, ночью „напали на сонныхъ и полутрезвыхъ непріятелей“, часть ихъ побили, остальныхъ захватили въ плѣнъ... (с. 62). Восхищаясь этимъ „подвигомъ“, Мизинъ забываетъ, что нѣсколькими строками выше онъ самъ и справедливо объясняетъ „озлобленіе“ крестьянъ противъ французовъ „разореніями, дѣлаемыми непріятелемъ“.

Но оставимъ Мизина¹⁾ съ его „пштабной философіей“ и перейдемъ къ письму Ю. П. Бартечева — представителя той массы боевого офицерства, которая умѣла умирать безъ всякой философій... Обширное письмо Бартечева (I, 77—89) къ „матушкѣ-кормилицѣ“ (такъ онъ называетъ свою мать) читается съ удовольствіемъ: тутъ все ясно, просто, откровенно, что думается и дѣлается, то и пишется, безъ всякихъ предомовокъ и оговорокъ. Бартечевъ въ это время былъ человѣкъ молодой, только что начинавшій службу, а молодость дѣлаетъ человѣка еще болѣе откровеннымъ. И дѣйствительно, авторъ письма держитъ себя предъ матерью на распашку.

Очень обстоятельно и интересно онъ рассказываетъ о тѣхъ разнообразныхъ роляхъ, какія выпали въ войну 1812 г. его полтошной ротѣ, о своихъ товарищахъ и командирахъ, о личныхъ страданіяхъ и впечатлѣніяхъ въ походѣ и пр. Но... объ „отечествіи“, о его положеніи, о смыслѣ переживаемой войны, о будущихъ судьбахъ родины и т. п. вышнихъ во-

¹⁾ Извѣстный совѣтъ въ Филлахъ передъ сдачею Москвы Мизинъ почему-то называетъ „совѣтомъ въ Прилѣ“ (с. 60).